

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	7
Куда приводят мечты	14
После вождя	18
Ирония судьбы	24
Валенки	30
Волочанка	34
Предприимчивый механизатор	42
Зина и тараканы	48
Бабка с собачками	54
Не доехал	58
Антифриз	62
Стыдно	66
Сдача	70
Идеальный шторм	74
Бюрократия как наука	80
Безбилетник	86
Партбилет	90
Страсти по курбелю	96
Напомнил	100
Согласен на медаль	106
Контроль и учёт	112
Ленин	118
Зёрна и плевелы	122
Олимпийцы	126
На высоте	134
Профсоюз	138
Конфеты для взрослых	144

Труба свободы	152
Мандарины	158
Борьба со злом.....	162
В ожидании праздника	166
Багульник.....	172
Агитатор	194
Свинство.....	200
Квартирный вопрос.....	204
Штирлиц.....	208
Министерство	212
Старики	220
Бильярд.....	226
Легко ли быть суперменом	232
Великий музыкант.....	238
Миротворец.....	244
Мясо без водки.....	250
Единогласно, при одном воздержавшемся	256
Водозабор.....	260
Просьба	266
Громовержец.....	268
Выговор	274
Нефтегорск.....	278
Родня.....	288
Дай порулить	294
Охота	298
Остальным — спасибо!.....	306
Кино-таз.....	310
Запорожец	314

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Конечно, хотелось бы начать по классике: «Утреннее солнце проникало сквозь только что распустившиеся листья берёзы...» — но это скучно и банально. Моё поколение обошло стороной помпезное описание этого сиюминутного мира, хотя всю эту красоту я люблю с детства. Она, эта красота природы, одинаковой не бывает, она всегда разная, как и люди, о которых, собственно, и идёт речь в этом сборнике.

Каждый день мечтали о новом, не зная ещё, что мечты сбываются и становятся вчерашней обыденностью. Жили под лозунгом: «Жизнь короткая и глупая, поэтому надо попробовать». Не «постараться», а именно «попробовать» — прожить подольше и посодержательней. Или поплодовитей.

* * *

Наверное, и сегодня есть люди, которые живут так, как жили мы полвека назад. Когда даже двух- и трёхэтажные дома отапливались печкой. Когда завозили уголь и заготовливали дрова, а на кухнях стояли примусы и керогазы. Каждый тогда заботился о своём доме и своей семье, не рассуждая, готова ли коммунальная служба к зиме. Так жили мы. Мне тогда было лет пять, но отдельные вещи я запомнил очень ярко.

Коммунальная квартира в три комнаты. В них — разные люди. Иногда настолько разные, что вряд ли могли оказаться вместе при других обстоятельствах. В одной из комнат поселилась наша семья с двумя детьми и в ожидании третьего. Печь на кухне постоянно топилась, углём или дровами. Во всяком случае, вечерами точно. Уютно гудел живой огонь. Вечно засорялась форсунка примуса или керогаза, на котором готовили еду. Форсунку чистили кусочком гитарной струны.

В соседней комнате жил человек в возрасте. Старый коммунист. У него была открытая форма туберкулёза, но тогда не существовало жёстких медицинских правил для подобных больных, не предусматривалась полная изоляция. Всё, что оставалось родителям, — это попытаться уберечь детей от инфекции. Жаловаться на такие вещи не очень-то было принято. К тому же больным надо было где-то жить. Тем более людям заслуженным — перед городом, перед страной.

Какое-то время в квартире жила женщина, смутно сохранившаяся в моей памяти. Всё, что могу сегодня про неё вспомнить, — это очень много книг, постоянный беспорядок в её комнате и — отдельной вспышкой — сцена, как моя мама тщетно пытается научить её штопать чулки на лампочке. Как я потом узнал, соседка эта была из ссыльных, и, скорее всего (судя по её образованию и по тому, что она почти ничего не умела), из политических. Как уже сказал, мама учила её штопать чулки. Почему-то я особенно запомнил лампочку, с помощью которой шёл мастер-класс, как сейчас говорят. Я не совсем понимал: почему на лампочке?.. Это сейчас очевидно — не на пятке же штопать.

Важно заметить: в то время у людей были совершенно отчётливы и понятны каждый шаг и действие. Ничего не делалось впустую, ради какой-то абстракции. Дела и обязанности были ясны и нам, детям.

Например, на кухне стояло сделанное вручную подобие бидона, которое надо было в определённые дни и часы наполнять керосином. Потому что в это время по улицам ездил извозчик со специальной бочкой, и в ней был керосин для керогазов и примусов. В повозку с бочкой была запряжена крепкая низкорослая лошадка. Обязанность детей заключалась в покупке керосина, чтобы потом на нём готовить еду. Днём, когда появлялся керосинщик, родители были на работе, поэтому пополнять запасы керосина поручалось детям.

Часто вместе с керосинщиком шла повозка старьевщика, влекаемая такой же небольшой

лошадкой местной породы, ведущей родословную от монгольских скакунов времён Чингисхана и Субедей-маадыра. Повозка старьёвщика была больше и была завалена всякой всячиной. Старьёвщик являлся особо ценным человеком для всех мальчишек и девчонок. Потому что у него были сокровища: батарейки, действительно работающие фонарики и лампочки к этим фонарикам, миниатюрные складные ножики... И всё это можно было получить у него в обмен на старьё.

Были, конечно, недоразумения, когда какой-нибудь парнишка притаскивал мамину кроличью шубу, обменивал на необыкновенно нужную ему штуку и потом, вернувшись с работы, мама приходила в ужас. Но тогда ведь все знали всех. Естественно, старьёвщика догоняли, возвращали шубу, отдавали ему тот ножик или электродинамический фонарик «Жучок», который так хотел мальчишка. Это были скорее не бытовые драмы, а бытовые комедии, хотя некоторым ребятам доставалось крепко. Ну, тоже наука.

В детстве у меня было ощущение, что взрослые бесконечно работали. Как теперь понимаю, та ссыльная женщина из соседней комнаты нашей коммунальной квартиры тоже работала, только дома. Что-то читала, писала, к ней кто-то приходил. Почтальон носил ей конверты. Думаю, она давала уроки или, может быть, редактировала какие-то тексты.

Мои родители тоже работали много, это считали абсолютно естественным. Тогда не было пятидневной рабочей недели. Да, шестой день

был коротким, до трёх часов. Но это официально, а в реальности этих часов никто не считал.

Сейчас может показаться, что у нас было потерянное детство: родители вечно на работе и в командировках и мы, казалось бы, должны были ощущать нехватку их внимания и теплоты. Но этого и в помине нет. И это касается не только меня, но и многих ребят с нашего двора, с нашей улицы, из нашего города, да и, думаю, всей страны.

* * *

Тогда в Туве жили вместе несколько совершенно разных поколений, которые считались такими, знаете, очень «короткими»: революционное, постреволюционное, довоенное, военное, послевоенное. И длились они десять-пятнадцать лет каждое, догоняя друг друга и обгоняя. Событий было много, они меняли сознание людей, формировали разные волны приезжающих в Туву и «короткие» поколения. Как раз в одно из них, в период военного поколения, Тува была принята в состав СССР.

Например, жили люди, которые родились ещё при Александре III и Николае II, во времена колонии — протектората Китая, который он утратил, а Россия обрела. Жили там и бывшие царские офицеры, вблизи границ с Монголией и на её территории, уцелевшие во время сталинских чисток. Лихие вершители судеб во времена войны Гражданской, ветераны Первой мировой и Великой Отечественной войн. А ещё многие люди,

никакого отношения не имевшие ни к бежавшей Белой гвардии, ни к Красной армии, — просто они когда-то попали в эти края. В том числе внуки и правнуки ссыльных декабристов, чьи родители умерли, не успев вернуться из ссылки. Их дети через Саяны пришли сюда. Такова была часть русских поселенцев на территории Урянхайского края, затем Тувинской Аратской Республики, затем Тувинской Народной Республики. И уже потом — республики, вошедшей в состав Союза.

Было и поколение русских граждан ТНР, уходивших добровольцами на фронты Великой Отечественной войны сражаться на стороне СССР, хотя в 1941 году Тува считалась отдельным государством. Они вместе с русскими колонистами — все, кто мог, — пришли в советское посольство и отправились в армию. Кстати говоря, тувинцы первыми поддержали (признали) создание СССР в 1922 году, а в июне 1941 года Тувинская Народная Республика первой из иностранных государств объявила войну Германии на стороне Советского Союза. Конечно, с пониманием огромной зависимости Тувы от великого соседа.

Были, естественно, те, кого сослали сюда, на эту территорию. И было поколение моей мамы, которая работала не только со своими ровесниками, но и вместе с теми, кто делал революцию и создавал Тувинскую Народную Республику. Мама приехала из Харькова, окончив сельскохозяйственный институт. Её коллеги, её подруги — их было несколько — с таким же азартом, как и она, трудились, влюблялись,

создавали семьи, жили. Здесь мама познакомилась с отцом.

Несмотря на то что их привычки и воспитание были совсем далеки от кочевого образа жизни, который издревле вело большинство тувинцев, они органично вписались в местную среду. Это было поколение приехавших специалистов: врачи, инженеры, учителя.

Замечательно, что сегодня в республике стоит памятник русским учителям, приехавшим в Туву из Советской России в начале двадцатого века, — скульптура учительницы с двумя учениками. Было много учителей во всех сферах, не говоря уже о школе, это само собой.

Например, актёр Максим Мунзук, исполнитель главной роли в фильме Акиры Куросавы «Дерсу Узала», играл в армейском оркестре. Заметив его талант, местный русский житель Семён Григорьевич Коровин обучил его нотной грамоте и помог поехать учиться музыке в Москву. Максиму Мунзуку, этому яркому представителю народа Тувы, тоже встретились на пути русские учителя.

Я пытаюсь донести особое настроение тех лет. Это связано то ли с яркостью впечатлений детства, то ли с тем, что это было время созидания и расцвета в Туве — кругом тогда что-то строилось: школы, дома, больницы. Многого ещё не было, но нам казалось, что у нас замечательная жизнь. И сегодня, через много десятилетий, я могу это подтвердить — замечательная.

**КУДА
ПРИВОДЯТ
МЕЧТЫ**

В стране была тогда шестидневная рабочая неделя. Суббота — короткий рабочий день до трёх. В Туве, в Кызыле всё было как и везде. Период послевоенного восстановления кончился недавно, и люди по-прежнему много трудились. Естественно, пристраивали детей каждый по-своему. Кто-то отдавал бабушке и дедушке, а кто-то — в детский сад.

Была и придумка того времени — круглосуточный детсад. То же, что интернат, только для дошколят четырёх, пяти, шести лет. Детей туда сдавали либо в воскресенье вечером, либо в понедельник утром. И забирали: кто успевал — в субботу, кто нет — в воскресенье.

Мы, дети, конечно, ждали субботу. С самого утра после завтрака лезли на подоконники и прилипали к замёрзшим окнам, дышали на стекло, чтобы растопить маленький просвет, через который были видны очертания автобусной остановки. Когда подходил автобус, все припадали к стеклу в надежде увидеть родителей. Проходила минута, другая — и раздавался чей-нибудь радостный крик: «Папа!», «Мама!».

Остальным снова приходилось ждать.

Многие, наверное, помнят это чувство, которое бывает только в детстве и которое сравнить-то